

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Д. САВАТЕЕВ

Ислам и политика в Чеченской республике

Чечня... В этом коротком слове - звук сабли, врезающейся в плоть, память о двух столетиях борьбы России на Северном Кавказе с небольшим воинственным мусульманским народом, образы абреков и суровых бородатых воинов, силой оружия отстаивающих имамат - исламское религиозно-политическое государственное образование на Северном Кавказе под руководством Шамиля в XIX веке. Эти представления вновь ожили в сознании россиян под влиянием короткой августовской кампании 1999 года в Дагестане и антитеррористической операции 1999-2000 годов, приобретающая буквально материальное содержание. В последние годы ислам в Чечне оказался в эпицентре борьбы за власть между недавними соратниками по российско-чеченской войне 1994-1996 годов.

Начиная с 1989 года ислам все шире и глубже внедряется в общественно-политическую жизнь Чечни. Этому способствовали внутренние изменения в Советском Союзе (курс перестройки, в частности, предоставил возможность всем конфессиям вести пропаганду религиозно-нравственных ценностей); крах коммунистической идеологии и структуры, ее поддерживавшей. Образовавшийся вакуум быстро заполнил ислам: попытка федерального центра ввести 8-9 ноября 1991 года чрезвычайное положение и разоружить военизированные формирования Объединенного конгресса чеченского народа (ОКЧН) привела к всплеску национально-религиозных чувств местного коренного населения и активному использованию исламской риторики национал-радикалами во главе с Д. Дудаевым во имя политической мобилизации масс. Большую роль в этом сыграли развитие внутречеченских событий и российско-чеченская война 1994-1996 годов, а также состояние международной изоляции, в котором фактически оказалась эта маленькая горная страна.

Курс на политическую независимость Чечни, провозглашенный ОКЧН с первых дней своего существования, активно поддержала большая часть коренных жителей страны и, в частности, возникшая на рубеже 80-90-х годов партия Исламский путь во главе с Б. Гантамировым, которые доказывали, что только при условии независимости республики можно будет постепенно вернуться к основам ислама. Этот переход понимался как возврат к той точке, в которой было прервано "естественное, богоугодное развитие" Чечни, что стало наказанием, ниспосланным Аллахом за грехи неверия и нарушение благочестия. Однако, в отличие от политиков-исламистов, основная часть мусульманского духовенства Ичкерии осудила их планы, аргументируя свою позицию потребностью оградить ислам от политической конъюнктуры, сохранить контроль за нравственно-религиозным воспитанием во имя духовных ценностей, а не для политических кампаний, пусть и прикрытых зеленым знаменем. Оплотом этой части тради-

С а в а т е е в Анатолий Дмитриевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН.

ционного муфтията стал город Урус-Мартан, издавна слывший главным духовным центром. В то же время немало духовенства на местах (имамы сельских, особенно в горной местности, мечетей), шейхи многих вирдов (ответвлений, общин) мусульманских духовных орденов Накшбандийа и Кадирийа, в первую очередь последователи вирда шейха Кунтахаджи, отличавшиеся в советское время последовательным неприятием светской власти и слывшие одними из самых набожных на Северном Кавказе, незамедлительно поддержали ОКЧН и оказавшегося во главе его отставного генерал-лейтенанта советских ВВС Дудаева.

Уже первые шаги нового руководства светской Чечни свидетельствовали о стремлении возврата к исламским традициям. Так, на состоявшейся 9 ноября 1991 года церемонии вступления Дудаева в должность президента страны присутствовали многие представители духовенства, новый лидер страны клялся на Коране защищать мусульманскую веру.

Попытка Москвы силой разоружить военизированные формирования самоотделившейся мятежной республики привела к обратному политическому результату: оставив разногласия, практически все слои населения сплотились "вокруг Дудаева как символа национальной независимости" [1, с. 65], усилив его политическое влияние.

Москва на время вынуждена была отступить, а перед руководством Чечни встал вопрос о создании собственной государственности. Она мыслилась изначально как формирование независимого политического образования. По словам Дудаева, складывалось "светское конституционное государство с равными правами, обязанностями и возможностями для всех граждан. С раскрепощенными душами, независимо от вероисповеданий, политических принципов и национальности" [2]. По мнению многих аналитиков, чеченский лидер изначально не планировал создания теократического государства.

Однако влияние "веры как фундамента", на котором "люди могут объединиться", как культурно-исторического наследия, с которым связаны "величественные страницы прошлого, борьбы с поработителями и бессмертные души великих предков", о чем неоднократно говорил президент страны, постепенно стало склонять чашу весов в пользу объявления ислама государственной религией. Об этом свидетельствовали не только личные решения Дудаева, но и воздействие сторонников президента, которые осознанно или под воздействием политических аналогий стали публично упоминать имя главы республики как "богоданного президента", "имама Чечни" [1, с. 71]. Исламизации страны способствовали и не сбывшиеся упования на международное признание страны как субъекта международного права, к чему ревностно стремился Грозный. "Никаких шагов для вступления Чечни в мировое сообщество мы не предпринимаем", - заявил Дудаев в июле 1994 года, признавая тщетность попыток. - "Хотя Чечня - правовое государство по всем признакам международного права. И наша сила в том, что мы не отступили ни на один шаг от канонов права. Ни одна республика бывшего Союза не может похвастаться тем, что, как Чечня, прошла легитимный путь к правовому государству" [3]. Непризнание в мире делало ненужным следование международным нормам государственной власти и дополнительно актуализировало вопрос об идейно-политической, цивилизационной основе государственности, всей системы власти отвергнутой страны. И уже тогда, до начала в декабре 1994 года российско-чеченской войны, в целом ряде мусульманских государств нашлись силы, которые стали поддерживать линию Дудаева на выделение из состава России, укрепление позиций ислама в Чечне как еще одного фактора политического противостояния Москве. Из Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Турции, Ливии на Северный Кавказ стали прибывать группы миссионеров, называвших себя "проповедниками ислама". Это были представители фундаменталистского политического ислама в его саудовском, ваххабитском обликах [4]. Проповедники действовали по банальной схеме: они одновременно выдавали по 1-1,5 тыс. долл. местным муллам за согласие присоединиться к ваххабитскому течению в исламе, а затем выплачивали ежемесячно по 100-150 долл. Чечня не была исключением [5]. Кроме

пропагандистов в республике появились и люди с боевым опытом ведения войн в Афганистане и на Ближнем Востоке, включая афганских моджахедов, которых оснащали и переправляли на Северный Кавказ. Видимо, поддержка из-за рубежа сыграла немалую роль в отходе Дудаева от светской модели государственности и переориентации на исламские ценности [6]. Ислам становился главным средством самоидентификации чеченцев в постсоветский период и быстро приобрел значение символа оппозиционности современному российскому государству и христианской цивилизации в целом.

В феврале 1993 года Дудаев изложил свой проект новой конституции Чечни, в котором, в частности, ислам провозглашался государственной религией, вводилось судопроизводство на основе шариата. Однако из-за противодействия парламента, выступившего против чрезмерного расширения президентских полномочий, проект не был принят, хотя и получил поддержку религиозных деятелей, особенно горной Чечни, и социальных низов Грозного [1. с. 70, 71].

Исламская идея еще активнее эксплуатируется в период российско-чеченской войны 1994-1996 годов. Борьба за независимость (так воспринималась она большинством чеченцев) обрела свое политическое и духовное обоснование в провозглашаемом Кораном требовании вооруженной борьбы с захватчиками, тем более если они иноверцы. Идея газавата - военного сопротивления кафирам ("неверным") до полного их истребления или изгнания объединила практически все районы страны, воодушевила и сплотила все слои общества, особенно молодежь. Зеленые повязки с изречениями из Корана надели многие ополченцы, объявив себя воинами ислама и дав обет сражаться, не щадя своей жизни. Массовым стало изъявление религиозных чувств, в первую очередь совершение намаза. Публично совершение его демонстрировал и бывший член КПСС Дудаев. Еще более ревностно исполнял религиозные обряды вице-президент Чечни, писатель З. Яндарбиев [7, 8], придерживавшийся жестких, радикальных взглядов в вопросе о взаимоотношениях с Россией.

Гибель Дудаева 21 апреля 1996 года, завершение войны подписанием 22 августа того же года в Хасавюрте соглашения о прекращении огня в Грозном и на территории Чеченской республики [9] стали рубежом в истории страны. Перед руководством победивших сепаратистов снова встал в числе прочих вопрос о государственности страны, о принципах, на которых она должна строиться. Это необходимо было решать срочно, ибо массы вчерашних боевиков, управляемые действовавшими полевыми командирами, как правило, не собирались возвращаться к мирному труду. За два года они привыкли держать в руках автомат, чувствовать себя защитниками страны, на которых обращены восхищенные взоры соплеменников. Им было трудно расстаться с таким героическим имиджем и оказаться перед обыденной перспективой добычи средств тяжелым, малооплачиваемым и, как правило, малоуважаемым в этом обществе трудом. Стремление удержать свой статус, подкрепляемый к тому же денежным содержанием (поступления из ряда арабских стран, от чеченской диаспоры в России и за рубежом) и нежелание переходить к мирному образу жизни требовали деятельности, близкой к боевой. Грабежи, вымогательство, похищение людей с целью выкупа (то, что в истории Кавказа известно как абречество) для целого ряда формирований постепенно становятся источником существования. Сначала в самой Чечне, затем выходя за ее пределы, бывшие боевики, не сложившие оружия, продолжают похищать людей, прикрывая свою деятельность рассуждениями о необходимости дать отпор безбожным властям России и прикрыть собой мусульманский мир. К тому же похитители людей знают, что за ними стоит тейп (род, клан), который по обычному праву обязан защитить его, каким бы преступником тот ни был. В таких условиях все усилия чеченского политического руководства представить нынешнюю, фактически независимую Ичкеррию как цивилизованное государство обречены на провал.

В ходе русско-чеченской войны и после нее особенно остро проявился национализм как способ существования и сохранения этнической культуры, где ислам занял главное место. Одновременно этот процесс означал все углубляющийся разрыв с общечеловеческими социально-культурными и политическими нормами и институтами. Об этом

свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, игнорирование российского Уголовного Кодекса, ставшего не просто чужим, но для большинства чеченцев даже враждебным. Во-вторых, сохраняющееся восприятие полевыми командирами вчерашнего командующего войсками Чеченской республики, хотя и обличенного полномочиями президента, лишь как первого среди равных, а отсюда и саботаж попыток верховной власти установить хотя бы подобие законности. В-третьих, неспособность самой власти выполнять в полном объеме важнейшие государственные функции, применять насилие к несоблюдающим порядок и защищать социально слабых. В-четвертых, действие особенно укрепившихся за время войны традиционных антирусских настроений, которые выражаются, в частности в том, что никто не стал бы выполнять приказ А. Масхадова об освобождении русских, если при этом понадобится уничтожать чеченцев. В-пятых, практическое отсутствие умиряющей нравы и способствующей становлению гражданской культуры интеллектуальной элиты, воспитанной в парадигме светской государственности, большая часть которой, прежде всего довольно многочисленная грозненская интеллигенция, покинула Чечню. Ее место занял поднятый войной слой лидеров, не имеющих административного советского опыта управления и не стремящихся соблюдать общепринятые в мире правила бюрократической игры, но находящихся под влиянием обычно-правовых корпоративных установлений и склонных к архаическим или традиционным формам организации общества. Управление страной затрудняется соперничеством тейпов, в первую очередь за контроль над финансово-экономическими структурами.

Единственной супертейповой основой, на которой можно было цивилизационно и идеологически формировать государство, мог стать лишь ислам [10]. Его авторитет обеспечила победа в войне, где он еще раз со времен кавказской войны XIX века предстал знаменем национальной борьбы и непобедимым оружием. А когда президент Масхадов и его окружение уже через несколько месяцев после окончания войны столкнулись с нежеланием полевых командиров и тейповых старейшин подчиняться власти Грозного, с преступностью, захлестнувшей все общество, и полной дезорганизацией светских правовых институтов, стало ясно, что навести хотя бы элементарный порядок в этих условиях можно лишь нетрадиционными способами - жесткими, но действенными. Тогда и возникла снова идея "исламского государства", где правовое, моральное и в целом социальное регулирование осуществляется на основе шариата. Обращение власти к нему продиктовано прежде всего стремлением остановить вал беззакония, напомнить об ответственности за произвол и об уважении к власти, к закону. Кроме того, власть явно показывала свою цивилизационную идентичность с исламом, а значит, освящала свои действия его именем и ставила всех перед необходимостью признать ее правоту или в случае неповиновения быть раздавленными на тех же законных основаниях. Благодаря этому противостояние между официальной властью и полевыми командирами удалось перевести в сферу судебного разбирательства, а не вооруженных разборок. Это, как справедливо считает бывший министр иностранных дел Республики Ичкерия М. Удугов, "важный успех, серьезное достижение чеченской государственности" [11]. "Мы формируем государственные структуры исходя из законов шариата. Так называемое римское право, которое широко практикуется в мире, для чеченской природы противостоит. Оно многими не воспринимается и поэтому нарушается. Для формирования законодательства нам нужно найти такую базу, которая принималась бы народом. Подобной базой для чеченского народа является ислам. Иначе мы получим неуправляемую вооруженную массу, которая создаст много проблем для всех, в том числе для России" [12]. - убежденно доказывает главный идеолог исламского пути развития Чечни.

Определенный императив, продиктованный в большей степени обстоятельствами, а не свободно выраженной волей чеченских политиков, становится еще яснее в свете признания некоторыми аналитиками слабой религиозности чеченцев. Традициями набожности, благочестия, смирения, скрупулезного соблюдения заповедей и молитвенной практики, не говоря уже о теологических познаниях, чеченцы не отличались. Да и спе-

циалистов в области шариата было очень мало. Поэтому колебания политического руководства по поводу введения шариата в качестве правового инструмента объяснимы.

Одно из первых заявлений Масхадова о перспективе создания исламского государства прозвучало 8 августа 1997 года. А в начале ноября, он, будучи в Турции, провозгласил создание Чеченской Исламской Республики [8, 13]. Об эволюции взглядов Масхадова свидетельствуют его заявления, сделанные в январе 1997 года. Тогда он утверждал, что совмещение функций светского руководителя и духовного лидера в будущей республике вовсе не является фатальным (это краеугольный принцип исламского государства. - А.С.), более того, что нормы ислама не исключают демократических выборов. Последующие шаги, в частности публичные казни в сентябре 1997 года за совершение уголовных преступлений и нарушение морально-этических норм ислама, показ которых столь шокировал российскую общественность, подтвердили, во-первых, стремление руководства навести порядок в стране, во-вторых, продемонстрировали внутренней оппозиции решимость исламизировать политическую сферу, применяя шариат как "суровую, но справедливую" меру, в том числе и по отношению к бывшим соратникам по войне, в-третьих, показали всему миру "глубокие цивилизационные разрывы между Россией и Чечней" [10]. Так на практике предстала тогда справедливость хантингтоновского тезиса если не о противостоянии, то о серьезнейших различиях христианской и исламской цивилизациями - по крайней мере в Чечне. В то же время привлечение шариатских судов с их системой жестких уголовных наказаний стало косвенным свидетельством неспособности официального Грозного взять ситуацию под контроль, отражением нарастающего хаоса, подпитываемого жадным стремлением полевых командиров самим занять главное кресло в государстве.

Полевые командиры, в свою очередь, желали придать хоть какую-то видимость законности своим притязаниям, создать идеологическую систему, оправдывающую абсолютно нелегитимные цели. Разумеется, светские формы правового регулирования не годились для этого. Конституция, достаточно свободные выборы президента и парламента, светские суды - все было против упований сместить Масхадова и занять его место. Во второй половине 1997 года оппозиция стала приобретать все более явственные контуры. В ее состав вошли прежде всего полевые командиры Ш. Басаев, С. Радуев, Х.-П. Ибрапилов, Хаттаб, А. Бараев и Р. Гелаев. Сюда принято включать и полуполитических деятелей: бывшего президента страны З. Яндарбиева и его вице-президента С.-Х. Абумуслимова, бывшего министра информации М. Удугова, бывшего вице-президента В. Арсанова. Амбиции их были непомерны и практически каждый мнил себя национальным лидером [14, 15]. Но кто из них в состоянии сплотить хотя бы часть общества программой экономического и социального развития? Только Басаев возглавлял небольшую по численности Партию свободы, которую распустил в феврале 1999 года, оставшись во главе Конгресса народов Чечни и Дагестана [16], возникшего усилиями чеченских политиков. Главная опора каждого командира - родной тейп, более того, поддержка жителей своего района, поставляющего им вооруженных сторонников. Так, горные районы, особенно селения Ведено и Ца-Ведено (здесь, собственно, и находится его родной дом) - вотчина Басаева. Гудермес и восточные земли, граничащие с Дагестаном, "подпитывают" Радуева. Урус-Мартан - логово Бараева. Хаттаб господствует в районе Сержень-Юрт. Тем не менее общенациональной поддержки никто из них не имеет. Зато Мехк-Кхел - главный орган традиционной власти, опиравшийся на межтейповые связи, был настроен подозрительно к усилившему влияние полевым командирам, явно вознамерившимся отодвинуть старейшин от решения всех дел. Муфтият, представленный в основном умудренными жизнью священнослужителями - приверженцами суфийских орденов Кадирийя и Накшбандийя, тоже выступал за сохранение *status quo* и был близок к позиции Мехк-Кхела. Традиционных мусульманских книжников вполне устраивали отношения независимости от власти и зарубежных исламских деятелей. Большинство их выступило против "арабизации", как они определили попытки введения шариатских судов, но за

сохранение чеченской самобытности. "Нас не смогли за 70 лет превратить в русских, не получится сделать и арабов", - говорили они [17].

Не в пользу соперников Масхадова было и сложившееся еще в XIX веке территориальное деление чеченцев на две категории - "мирных" и "горских". Первые проживали на равнине, занимались земледелием, разводили скот и в целом были достаточно лояльны к русским. Вторые же, спускаясь с гор, похищали скот и людей, нападали на русские поселения. Различие между "мирными" и "горскими" сохранилось до сих пор, и каждый чеченец гордится своими корнями. "Мирные", поддерживающие своего земляка Масхадова, не преминут напомнить, что из их среды вышла почти вся чеченская интеллигенция. "Горских" они считают "дикими", обвиняют их в стремлении установить в Грозном, где они захватили многие "теплые места", свои порядки, и жаждут избавиться от них и их многочисленной родни. "Горские" же чеченцы гордятся своей бескомпромиссной борьбой с русскими в прошлом и ныне, ставят себе в заслугу победу над Российской армией в войне 1994-1996 годов. Особые претензии к "мирным" они высказывают в связи с тем, что именно "мирные" все время управляли республикой, фактически-де предавая интересы своего народа русским колонизаторам. Сходные обвинения звучат и в адрес "мирного" Масхадова [18]. Сложившееся деление на "мирных" и "горских" в основном соответствует распространению тарикатов Накшбандийа и Кадирийа.

Таким образом, оппозиционным полевым командирам трудно было рассчитывать на серьезную поддержку в борьбе за власть с президентом со стороны главных тейповых авторитетов, традиционного муфтията и образованной части чеченцев, проживавших в равнинной части страны. Апелляция к традиционным национальным адатным ("адат" - обычное право) или мусульманским ценностям им явно не принесла бы успеха. Однако идея исламизации всех сфер общественной жизни, включая политическую, возвращая к принципам первоначального ислама времен пророка Мухаммеда оставалась пока ничейной. Она, во-первых, под лозунгом материального и социального равенства верующих позволяла низвести президента Масхадова до уровня рядовых смертных, подвергнуть тотальной проверке расходы президентской администрации и с полным основанием обвинить его в нарушении этих принципов. Во-вторых, она давала им возможность во всех смыслах обособиться (цивилизационно, политически, нравственно) от России, а также до известной степени противопоставить себя официальному Грозному: власть светскую сменить на духовно-религиозную, а республиканскую форму правления заменить имаматом, теократическим государством. Опередив Масхадова с этой идеей, они получили бы возможность требовать роспуска всех органов и институтов светской власти (включая институт демократически избранного президента) и замены их исламскими. Правда, при этом мало кто представлял себе функцию и организацию духовно-религиозных институтов власти, не говоря уже о содержании законов шариата и исламского права. Тем не менее воинствующий политический Фундаментализм, который развивается здесь в ваххабитском варианте с 1990 года [19], позволял искоренить любое инакомыслие, в том числе традиционный религиозный Уклад, заставить всех под лозунгом требований "чистого" ислама подчиняться беспрекословно, рабски [17]. При этом никто не задумывается о том, что по большому счету ваххабизм - доктрина, в целом чуждая социально-культурным и политическим традициям чеченского общества, что она подрывает его основы, вносит противоречия и хаос, порождает вражду между сторонниками ориентации на арабские режимы и культуру и приверженцами светской линии развития страны, чеченской самобытности. местного варианта ислама, в котором выражены прежде всего национальные начала. Ваххабизм выступает в роли заимствованной интернациональной религиозно-политической идеи, перед которой должны пасть ниц национальные начала, внесенные суфизмом: почитание предков, культ святых и места поклонения. Все искореняется, остается только интернациональный ригористский ислам, источником которого является Саудовская Аравия как образец и пример религиозного и политического устройства. Ваххабизм вполне сравним с социал-демократической идеей преобразования России

конца XIX - начала XX века. Она тоже была заимствована, правда, на Западе и привнесена в российское общество наиболее оголтелой частью коммунистов во главе с В. Лениным.

Противоречия между сторонниками традиционного ислама и приверженцами политического ислама не заставили себя ждать. 14 июля 1998 года в Гудермесе между ваххабитами и бойцами полевого командира С. Ямадаева произошла ссора, которая вылилась в настоящее сражение. На стороне Гудермесских ваххабитов выступили полевые командиры А. Бараев и А.-М. Межидов, возглавлявшие шариатские военные суды, состоящие из ваххабитов, тогда как жители многих сел - приверженцы тарика-тов Накшбандийа и Кадирийа, не колеблясь, бросились на помощь бойцам Ямадаева. В итоге, только по официальным сведениям, погибли несколько десятков человек, в том числе более 30 ваххабитов, 20 сторонников Масхадова и 10 мирных жителей.

Анализируя трагедию в Гудермесе, президент Чечни констатировал, что ваххабиты создали параллельные военные и политические структуры и отказываются подчиняться законной власти. Он обвинил отдельные арабские страны в финансировании ваххабитов и признался, что терпел деятельность исламистов во имя национального единства, полагая использовать их в интересах всей страны. Свое выступление Масхадов завершил призывом к имамам мечетей и руководителям местных органов власти изгонять ваххабитов с подконтрольных территорий. Одновременно президент лишил звания бригадных генералов Бараева и Межидова, упразднил возглавляемые ими шариатские структуры и объявил персонами нон грата четырех арабов, работавших в шариатских судах [20]. Однако решительные заявления президента не имели результата во многом из-за фактического заступничества вице-президента Арсанова, и в итоге указ Масхадова об изгнании ваххабитов не был выполнен.

В роли защитника ваххабитов выступил и бывший премьер-министр Басаев, который, в частности, отвел обвинения в причастности к конфликту Хаттаба, обосновывая это тем, что он приносит огромную пользу Чечне, обучая военному делу молодых бойцов. Избежав таким образом поражения, ваххабиты решили дать бой светской власти. Собравшись у родного селения Яндарбиева Старые Атаги, они обратились к нему с просьбой возглавить их борьбу с Масхадовым. Однако после официального предупреждения генерального прокурора Чечни Х. Сербиева в адрес экс-президента и массового заявления односельчан о выдворении Яндарбиева из села в случае поддержки им ваххабитов последний вынужден был отказаться от предложения исламистов.

Тем не менее конфронтация с Масхадовым на этом не кончилась. В телевизионном выступлении Яндарбиев возложил вину за события в Гудермесе непосредственно на президента республики.

Гудермесское столкновение привело к резкой поляризации сил в обществе, обнажило противостояние политических сил, придерживающихся различных течений в исламе. Так, отпор Яндарбиеву дал муфтий духовного управления мусульман Чечни А.-Х. Кадыров, напомнивший, что укоренение ваххабизма в стране и раскол среди мусульман в первую очередь связаны с деятельностью главного ваххабитского авторитета в Дагестане Б. Магомедова, приглашенного в Чечню в августе 1996 года именно Яндарбиевым для утверждения шариата. Для организации сил по совместному противодействию ваххабитскому течению по инициативе Кадырова в Грозном летом 1998 г. прошел представительный конгресс мусульман Чечни, Дагестана, Ингушетии. Его многочисленные участники, осудив деятельность ваххабитов на Северном Кавказе, обратились к государственным властям с требованием объявить ваххабизм вне закона и "немедленно расформировать вооруженные группировки проваххабитского характера" [20]. Организацией отпора должен заняться координационный центр мусульман Северного Кавказа, созданный решением конгресса в Назрани, в работе которого принимают участие муфтии всех северокавказских республик, включая Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Кабардино-Балкарию. Первым его главой

стал муфтий Ингушетии М. Албогачиев, избранный в соответствии с положением на год.

Напряженное религиозно-политическое противостояние, о чем свидетельствовали покушения на жизнь как деятелей традиционного ислама Чечни и Дагестана, так и самого Масхадова, взорвалось еще раз в начале января 1999 года в районном центре Урус-Мартан. Пропрезидентские силы попытались призвать к порядку ваххабитов, которые, по существу, установили в этом селении свою власть. В возникших перестрелках были убиты несколько человек, но цель из-за отказа Масхадова задействовать свои силы так и не была достигнута [14].

В условиях обостряющейся борьбы за власть между всенародно избранным президентом Масхадовым и военно-политической оппозицией в лице полевых командиров и отставных государственных деятелей, поддерживаемых соответственно суфийским и ваххабитским течениями, для обеих сторон особое значение приобретали мобилизация всех идейно-религиозных сил и средств и возможность легитимировать свои притязания на власть в качестве единственно верного носителя и защитника исламских ценностей. Но инициатива на этом поле перешла к Масхадову: указом от 3 февраля он ввел шариатское правление.

По его распоряжению было образовано министерство шариатской безопасности. Вся законодательная база начинала приводиться в соответствие с нормами Корана и шариата, что означало, в частности, ликвидацию светских органов власти. Правда, Масхадов не распустил парламент и не отменил Конституцию, функцию которой в исламском государстве выполняют Коран и шариат. Парламент был только лишен права законотворчества при сохранении за ним химерических контрольных функций (которыми он не обладал и до того). Последним законодательным актом, разработанным парламентом, должен был стать проект шариатской конституции, который согласно поручению Масхадова экс-законодателя Чечни совместно с муфтиями обязаны были написать в месячный срок. Упраздняясь должность вице-президента: Арсанов, занимавший ее, как известно, с лета 1998 года, превратился в оппонента Масхадова, прежде всего в вопросах о роли ислама в стране. Решающий акт религиозно-политических преобразований - формирование исламского государственного совета - Шуры, куда по указу Масхадова вошли авторитетные полевые командиры и политики, в том числе Басаев, Яндарбиев, Арсанов, Удугов, Исрапилов, Радуев, Гелаев, К. Махашев, А. Закаев и Т.А. Атгериев, назначенный министром шариатской безопасности [16].

Понимая, что они теряют инициативу, оппозиционеры в ответ срочно создали свою Шуру. Аргументом послужили претензии о неистинности президентской Шуры, которой должна принадлежать вся полнота власти (официальный же госсовет обрел только совещательные функции), и необходимость ликвидировать пост президента, не совместимый с требованиями исламского государства. В итоге пять дней спустя после президентского указа в Грозном заседали сразу две Шуры.

35 членов неофициальной Шуры, в том числе Яндарбиев, Радуев, Исрапилов, Удугов, Махашев, Закаев и другие, спустя две недели избрали своим лидером-амиром Басаева. В первом же своем заявлении амир, "обладающий всеми полномочиями, необходимыми для строительства независимого шариатского государства", обвинил Масхадова в проведении "репрессий против участников войны и сторонников независимости Чечни", а также в расколе народа по "религиозному принципу". Государство должно строиться по исламскому образцу, говорилось в документе, и соответственно должен быть избран глава шариатского государства [14, 21].

Не остался в стороне и парламент Чечни. Еще в самом начале государственных трансформаций вице-спикер С. Бешаев напоминал, что в Конституции уже предусмотрено создание исламского государства и потому нет оснований вводить шариатскую форму правления, тем более противоправно покушаться на действующий основной закон. Обвинив Масхадова в создании нестабильной обстановки, в узурпации власти, пренебрежении к Конституции и нарушении клятвы, принесенной на свя-

щенном Коране, члены парламента обвинили президента в том, что он "не разбирается в тонкостях ислама, пытается сохранить свою личную власть, идя при этом на поводу у тех, кто за рубежом стремится навсегда поставить Чечню на колени" [16].

Однако несмотря на возражения в Ичкерии и за ее пределами (например, бывший министр национальной политики РФ Р. Абдулатипов заявил, что "нельзя объявлять шариат в обществе, государстве, где нет ни одного человека с высшим образованием по шариатскому праву" [16]), Масхадов принял твердое решение насаждать шариат в качестве системы правового регулирования и строительства государственных органов. Но в возводимом им здании контролирующие функции должны быть сосредоточены в его, президента, руках. Конкретно это выражается в том, например, что в каждом селе создаются специальные отряды, состоящие из надежных людей и призванные надзирать за соблюдением норм шариата в духе Масхадова. Налицо стремление президента образовать такую политическую систему, в которой место центрального связующего звена должен занять шариат, а президент будет ассоциироваться с обликком ревнителя ислама, гаранта исламского права. Объект пристального внимания этих стражей чеченского ислама - внутренние противники президента. Это - "враги ислама", которые "попирают вековые традиции чеченского народа, оскверняют имена святых, похищают и убивают людей... История предоставила нам шанс построить свое свободное государство, но люди, продавшиеся за чужие доллары, встали на нашем пути", - так характеризовал он тех, кто пытался насадить в Чечне "иудаистскую идеологию" и кого, по его словам, защищали Басаев, Яндарбиев, Арсанов. Эти имена прозвучали на созванном президентом в середине марта 1999 года общенациональном митинге, где присутствовало 50 тыс. человек [23].

Чеченский лидер прямо обвинил одного из идеологов фундаментализма И. Умарова и намекнул на Удугова как на проповедника нового религиозного течения, насаждаемого якобы евреями через Саудовскую Аравию с целью расколота мусульман Чечни. "Нас пытаются превратить в афганских талибов - послушное орудие Запада на Кавказе. Мы - сунниты накшбандийского и кадирийского толка, и другому исламу в Чечне не бывать" [22], - заявил Масхадов. Дистанцирование от саудовского ваххабизма и от местных поклонников исламизма обвинениями в фактическом сотрудничестве с Израилем призвано было оказать влияние на сознание мусульман, для которых еврейское государство по традиции - враг номер один! Право на существование в этой парадигме имеет только национальный ислам с чеченским оттенком, ваххабитов и сторонников оппозиционной Шуры следует "гнать из наших сел, наводить у себя порядок" [22].

Президент все более концентрировал в своих руках контроль над государственными структурами, в первую очередь силовыми. Руководить ими он поручил своим родственникам из тейпа аллерой. На пост министра шариатской госбезопасности вместо Арсаева был назначен А. Абалаев. Это министерство было призвано блюсти религиозные порядки в стране, бороться с фундаментализмом. Создано было еще и министерство госбезопасности во главе с Аггериевым, которому подчинялись все силовые ведомства, включая спецслужбы Чечни. Новое министерство, по словам самого руководителя, можно было сравнить с КГБ (видимо, по всеохватности задач), и оно должно было вести профилактику и бороться с преступностью, угрожавшей государству и законно избранной власти [22, 24]. Большинство чеченцев поддерживали суровые меры и наказания, предусмотренные шариатом в отношении уголовных преступников и похитителей людей. Многие, особенно родственники пострадавших от рук грабителей и убийц, одобряли заявления организаторов публичных казней в сентябре 1997 года, что "это будет продолжаться, пока не будет искоренен бандитизм и покушения на жизнь граждан" [25].

Как недавно сложившаяся система морально-правового и социального регулирования в области права шариат предусматривал жесткие меры наказания, например смертную казнь за совершение таких считающихся наиболее тяжкими преступлений, как прелюбодеяние, разбой и вероотступничество. В качестве основной эта мера

наказания ожидала злодея-убийцу. Однако применялись и иные меры ответственности - выкуп за кровь или (наилучший выход из ситуации) прощение преступника родственниками жертвы, если, конечно, они не настаивали на наказании убийцы. Но и для вынесения смертного приговора за убийство шариат требовал соблюдения целый ряд условий, которые должны были найти отражение в разрабатывавшемся уголовно-процессуальном кодексе. Не было и подготовленных юристов-правотворцев, способных не только отразить в конкретных нормах, законодательных формулах общие принципы и цели шариата, но и просто умевших верно истолковать их. Между тем обвинительный уклон, присутствовавший в практике шариатских судов, в том числе о делах об убийствах, в ряде случаев противоречил принципиальным положениям шариата. Во-первых, указывает российский исследователь исламского права Л. Сюкияйнен, шариат не средство, но цель, которой является достижение высшей справедливости, а жестокость суда не обязательно ведет к ней. Во-вторых, считает ученый, удержание и кара - не главное в шариате; гораздо важнее с его помощью создавать условия для реализации свободы, достоинства человека, проявления идеалов добра и справедливости. В связи с этим, заключает Сюкияйнен, при всей очевидности позитивного характера введения шариата в Чечне ошибочной, или по крайней мере сомнительной, может оказаться конкретная практика его использования. Помимо глубоких знаний и умения предвидеть последствия вынесенных решений, обращение с шариатом требует взвешенности и холодного расчета, а суетность и тем более самое неистовое поклонение могут только бросить тень на справедливость суда, а творящего призыв судью, по высказыванию Мухаммеда, обречь на вечное горение в аду [26].

Чтобы повысить профессиональный уровень работников шариатских судов (а судьями в 1996 и 1997 годах нередко становились не умудренные знаниями мусульманско-правовых норм улемы, а юнцы, отмеченные заслугами в боевых действиях), президент Чечни решил провести их аттестацию на всех уровнях, вплоть до Верховного суда. Специалисты из числа профессиональных юристов, представителей президентского управления по кадрам, чеченского муфтията, однако, не стали отстранять всех профанов, ограничившись увольнением в самых вопиющих случаях. Пострадали некоторые высокопоставленные работники, в том числе сам председатель Верховного шариатского суда Ш. Батукаев [27, 28], однако причина отстранения его и ему подобных состояла, скорее всего, в простой нелояльности президенту.

Несмотря на подчеркиваемую приверженность нормам мусульманской законности, которую демонстрировали противостоящие стороны, президентское окружение и военно-политическая оппозиция, ситуация в Чечне продолжала обостряться. Так, амир оппозиционной Шуры Басаев направил президенту Масхадову требование назвать фамилию президентского гвардейца, от руки которого при задержании родственников Хаттаба в начале марта 1999 года погиб один из телохранителей: предполагалось, что стрелявший должен ответить кровью за кровь [29]. Две попытки покушения на жизнь президента республики имели место в первой половине 1999 года, на волосок от смерти оказался в очередной раз верховный муфтий Кадыров. Произносимые вслух ссылки на ислам для придания законности претензиям на власть и тайное стремление добиться своих целей силой не имели ничего общего с исламом. Но ясно, что и религиозные установки не в состоянии были умерить пыл политиков, способных привести страну к всеобщей катастрофе.

Происходивший до недавнего времени процесс политизации ислама в Чечне имел под собой как объективную цивилизационную основу (несколько столетий существования и обретения исламом национальных форм), так и субъективную, выражающуюся в стремлении соперничающих группировок опереться на авторитет ислама с целью укрепить свои позиции в политической системе страны, устранив конкурирующие группы. При этом официальное руководство в целом полагалось на суфийское течение в исламе с его кавказскими вкраплениями, которое рассматривало как национальное чеченское направление. Подчеркивалась его близость каждому чеченцу, а, следовательно, правительство, поддерживающее такой ислам, и есть национальное.

Антипрезидентская группировка, со своей стороны, придерживалась в основном фундаменталистского ваххабитского течения, она упирала на исламские ценности, которые, по ее представлениям, имели главенствующее значение и должны были связать воедино чеченскую нацию, влив ее в общий мир Уммы - сообщества мусульман.

За духовно-религиозными противоречиями скрывались вполне реальные политические интересы. Правительство с его суфийским этническим исламом ориентировалось на создание и укрепление прежде всего чеченской государственности, независимой и от Москвы, и от арабских режимов, и от западных государств. Антимасхадовские силы явно рассчитывали на содействие исламистских режимов, для чего демонстрировали свои крайние антироссийские настроения и стремление влиться во всемирную мусульманскую общину, сохранив лишь отдельные этноконфессиональные особенности. Они приносили национальную идею в жертву международным исламским идеям, которые представляли в качестве эталона. Преклонение перед арабским миром давало последнему возможность оказывать на Чечню многообразное воздействие: духовно-религиозное, финансовое и политическое.

В то же время каждая из сторон упрекала друг друга в нарушении принципов демократии, в измене интересам чеченского государства и т.д. Противостояние между ними все более накалялось, грозя ввергнуть страну в гражданскую войну. Только шариат и адатные нормы кровной мести удерживали противников от рокового шага. Тем не менее республика продолжала двигаться в направлении хаоса.

Подтверждением этой тенденции стал рейд чеченских боевиков и дагестанских исламских экстремистов под общим руководством Басаева и Хаттаба в Дагестан с целью "победы справедливого исламского общества, где не будет бедных и богатых", и "установления исламского государства от Каспия до Черного моря" [30, с. 419]. Он наглядно показал реальное превосходство самых авторитетных полевых командиров над избранным президентом Ичкерии, которого даже не поставили в известность о готовившейся операции. Однако исламистские устремления чеченских террористов, похоже, были эффективно использованы кремлевским руководством для достижения своих узколичных целей, более того, как кажется, спровоцировано само нападение боевиков. Во всяком случае, развернувшиеся боевые действия пресекли начавшиеся было в августе 1999 года переговоры между чеченским и российским МВД о совместной борьбе с похитителями людей и "ваххабитами", а затем естественно переросли в "антитеррористическую операцию" федеральных войск в Чечне. Следствием этого стал плавный дрейф тогдашнего секретаря Совета безопасности и директора ФСБ В.В. Путина, "проспавшего" "внезапное" нападение басаевского воинства, сначала в кресло председателя правительства, а затем и Президента страны. В Дагестане же и Чечне усилились слухи о причастности к акции в пограничных районах двух республик известного предпринимателя Б. Березовского [30, с. 418-422].

Анализ роли ислама в жизни современной Чечни показывает, что: 1) ислам оказался прикрытием в борьбе противостоящих сил за власть (Масхадов, с одной стороны, и наиболее авторитетные полевые командиры - с другой; традиционный Мехк-Кхел и современный парламент, др. институты власти, с одной стороны, и религиозные исламские институты, т.е. шариатский суд и Шура, - с другой); 2) эта мировая религия превратилась в средство реализации групповых интересов, проявляя себя в противостоянии традиционных (адатных) норм права, морали и культуры и сугубо исламских норм; 3) за этим противоречием стоят стремления одной части верующих сохранить свою национальную самобытность, а другой, отдающей предпочтение арабо-мусульманским ценностям, стать более мусульманами, чем чеченцами; в то же время оно свидетельствует, что исламизация далеко не завершена; 4) ислам политический активно насаждается в Чечне внешними силами, заинтересованными в раздувании конфликта между этой страной и Российской Федерацией, в создании барьера между Россией и мусульманским миром, в изоляции России от регионов энергосыщенного сырья и путей их транспортировки. Эти силы мечтают вытеснить Россию с Кавказа и создать там для нее очаг постоянной напряженности. С другой стороны,

всепроницающее и углубляющееся действие ислама явно усиливается, заставляет политиков маневрировать, толкает их к принятию решений, порой идущих вразрез со сложившимся порядком и соотношением сил.

Нынешние военные события в Чечне до предела обострили отношения между сторонниками тарикатов и радикальной частью исламистов, раскололи мусульманское общество на пророссийскую и более многочисленную антироссийскую стороны. Они же фактически означали бесславный конец эксперимента с созданием исламского государства на территории Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кудрявцев А.В.* Ислам и государство в Чеченской республике // Восток. 1994. № 3.
2. Независимая газета. 1992. 18 февраля.
3. Независимая газета. 1994. 7 июля.
4. *Васильев А.М.* Пуристане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45-1818). М., 1967.
5. НГ-сценарии. 1998. № 5. С. 15.
6. НГ-религии. 1998. 23 января. С. 4.
7. Общая газета. 1997. 24-30 апреля. С. 10.
8. Независимая газета. 1997. 11 октября.
9. Россия и Чечня (1900-1997 годы). Документы свидетельствуют. М., 1997. С. 124.
10. Общая газета. 1997. 18-24 сентября.
11. НГ-фигуры и лица. 1998. 19 декабря.
12. Независимая газета. 1998. 12 сентября.
13. Независимая газета. 1997. 6 ноября.
14. Независимая газета. 1999. 10 февраля.
15. Независимая газета. 1999. 24 февраля.
16. НГ-религии. 1999. 3 марта. С. 2.
17. Независимая газета. 1999. 27 января.
18. Литературная газета. 1999. 3 марта. С. 3.
19. *Акаев В.* Суфийские братства и ваххабиты // Азия и Африка сегодня. 1998. № 6. С. 52.
20. *Акаев В.* Чечня: возможен ли афганский вариант? // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 1 (2). С. 148.
21. НГ-религии. 1999. 24 февраля. С. 4.
22. Независимая газета. 1999. 26 марта.
23. Независимая газета. 1999. 17 марта.
24. Независимая газета. 1999. 20 марта.
25. Сегодня. 1997. 19 декабря.
26. *Сюкияйнен Л.Р.* Непростой путь к шариату // НГ-религии. 1997. 23 октября. С. 4.
27. Комсомольская правда. 1997. 6 сентября.
28. Комсомольская правда. 1997. 1 ноября.
29. Московские новости. 1999. 30 марта - 5 апреля. С. 10
30. *Шерматова С.* Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.